

ЛЮСЬКА ЗАВСТОЛОВОЙ

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ИРИНА ЛЕМ

Ирина Лем

Люська, завстоловой - деревенский детектив

<https://litres.ru/73996243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Григорий Стрельцов приезжает в родной город проведать отца и сестру, с которыми потерял контакт после ранения и длительного лечения. Школьная подруга сестры Люся Гуреева сообщает трагическую новость - родные Григория убиты. Тела лежат в морге - их никомуз забрать. Григорий решает начать собственное расследование, рассчитывая на помощь оперуполномоченного Николая Колесникова. Люся работает заведующей столовой, хорошо знает людей из окружения сестры Григория и принимает активное участие в расследовании.

Ирина Лем

Люська, завстоловой - деревенский детектив

Глава 1

ступеньках дома – плечом к плечу, как два птенца, оставшихся без родителей. Лариска хныкала и все повторяла «Где мама? Когда придет мама?», Григорию тоже в пору бы заплакать, но мужчины ведь не плачут - сидел, давил обиду обратно в горло, а она разрасталась и мешала дышать. Надо как-то успокоить, отвлечь Лариску, что-то сказать, что-то спросить... Голос пропал, остался писк, а пищать мужчине тоже не пристало. Григорий вскочил, сбегал в спальню, вытащил из наволочки стыренный в «Пятерочке» батончик «сникерса» и отдал Лариске...

Вспомнил совместную с отцом рыбалку – Григорий тогда не знал, что она будет последней. У них было прикормленное место вниз по Упёрте, сразу за чертой города, где русло становится извилистым, и много тихих заводей. Григорию бешено везло: кроме нескольких приличного размера окуней, вытащил почти килограммового судака – когда снимал с крючка, тот его укусил до крови.

Сердце облилось кровью. Сейчас бы выпить и забыться или покурить и расслабиться...

Как раз этого и нельзя делать. Наносить себе вред – помогать врагу. Григорий научился по-другому справляться со смертью близких. Главное - не бередить память, чтобы не плакать, превращаясь в мягкую, мокрую губку. Сейчас надо быть твердым и крепким, как приклад. Сжать сердце в кулак, найти убийц и отомстить.

Еле дождался утра. Встал, принял холодный душ, выпил огненного кофе. Надо быть в форме, не раскисать. Сегодня ехать на опознание. Люся договорилась с Лютовым, чтобы без бумажных церемоний. Оформление потом, сначала опознание...

Лютов ожидал их в холле больницы.

- Григорий Матвеевич, приятно познакомиться, хоть и по неприятному поводу.

В реальности голос Лютова звучал еще противнее, чем по телефону. Скрипучее, картавее. На внешность он был... можно сказать – ничего... обыкновенный. Пройдешь, не заметишь. Возрастом около пятидесяти, ростом около ста восьмидесяти. Без особых примет и шарма, от которого женщины падают в обморок.

Протянул Григорию руку, пожал крепко и коротко – поделовому. Повернулся к Люсе.

- Здравствуйте, Людмила Петровна. А где Колесников?

- Я за него, - сказала Люся, подражая «Не шурши». – Он

вчера капитана получил, еще не очухался. Я буду свидетелем при опознании. Потом поедem в отдел, подпишем... то есть Гриша подпишет протокол.

- Тогда приглашаю в морг. – Лютов сделал широкий жест, будто приглашал не в мертвецкую, а в банкетный зал.

Пошел первым, показывая путь. Хотел, по обыкновению, сказать что-то саркастическое по поводу больничных нравов или рассказать случай из жизни психических больных, но, вскользь глянув на Григория, заставил себя замолчать. Только направо-налево отвечал на приветствия проходивших мимо – тоже без обычных шуток-прибауток.

Спустились в подвал и отправились по коридору, освещенному лампами нездорового желтого цвета. По стенам и потолку коридора тянулись трубы и провода, делавшие его похожим на бункер. Подвывая по-потустороннему, работала вентиляция. Люся представила, как вместе с воздухом улетают наружу души умерших. Внутренне вздрогнула, побледнела и задержала шаг. Глубоко вдохнула и прямо-таки заставила себя идти дальше.

Вдали показалась дверь с надписью «Морг». В воздухе все сильнее ощущались тошнотворные запахи разложения, которые тщетно пытались перебить хлор, формальдегид и другие крепко-пахнущие медицинские препараты.

Как нормальные люди могут тут целый день работать да еще пить чай или даже что-то есть – подумала Люся и побледнела сильнее. Остановилась, помахала на себя ладонью,

как веером. Она всего один раз была в морге и тогда же первый раз в жизни упала в обморок...

Лютов тоже остановился. Несмотря на бесстрастное лицо и привычку к людским недомоганиям, он острым глазом замечал все, происходящее вокруг.

- Люсь, тебе плохо? – спросил без всякого выражения. На первый взгляд дежурная фраза и ничего больше. Но близкие Лютова знали: бесстрастность – это щит его души, розовой и мягкой, как носик младенца. - Хочешь вернуться?

- Н-нет, - ответила Люся, хотя хотела ответить – да! Вернуться и больше никогда сюда не спускаться. В этот ад, подземелье, могилу. Но нельзя бросить человека в беде. Григорий же ее не бросил. Возился с ней два дня, раскрывая отравление в столовой. И она не бросит. – Пойду дальше. Я должна... Я же свидетель опознания...

- Скорее кандидат на падение в обморок, - строго сказал Лютов и, поддерживая Люсю за локоть, усадил на специально стоявший поблизости стул. – Знаешь что. Давай сегодня Я поработаю свидетелем. А к тебе приставлю санитаря, чтобы вывел тебя из наших темниц на волю. Володя, бегом сюда! – крикнул Лютов, слегка приоткрыв дверь «Морга».

Люся вздрогнула – почему-то ожидала, что сейчас оттуда выбежит тощий, синий труп, а выбежал... вполне себе живой парень в белом халате, шапочке и резиновых перчатках.

- Да, Борис Андреевич.

- У нас тут живая пациентка образовалась. Чтобы не око-

чурилась, дай ей нашатыря, отведи наверх и посиди рядом, пока мы не вернемся.

- Хорошо, Борис Андреевич. – Володя скрылся за дверью и почти тут же появился с мокрой ваткой в руке. Сунул ее под нос Люсе, та вдохнула, дернула головой, открыла глаза, сконцентрировалась на Григории.

- Гриш, прости... - пролепетала. – Хотела тебя поддержать...

- Я в порядке, - сказал Григорий – скорее себе, чем ей. – Спасибо, Люся. Езжай на работу, не жди меня.

- Я подожду. Наверху. Не спеши. Пойдемте, Володя. Можно, я возьму вас под руку? – Не дожидаясь ответа, Люся облокотилась на руку санитара и потихоньку побрела в обратную сторону. С каждым шагом идти становилось легче, будто Люся возвращалась с того света на этот.

Лютов коротко глянул им вслед и отвернулся. Проблема решена, вернемся к тому, на чем остановились.

- А вы, Григорий Матвеевич, к трупному парфюму как относитесь?

- Мне не привыкать.

- Тогда заходите.

Едва Лютов открыл дверь, в нос Григорию ударил запах – до того тяжелый и густой, что казалось, он дрожал, как студень. Все здесь было неживое, стерильное, металлическое – особенно стальной стол с выемкой и отверстием для слива в углу.

- Наше чистилище, - с профессиональным спокойствием сказал Лютов. – А теперь пройдем в ад. – Раздвинул шторы из прозрачного пластика и вошел в смежную комнату - ярко освещенную и заметно более прохладную, чем предыдущая. – Вам кого первого показать – мужчину или женщину?

- Женщину, - повторил Григорий последнее услышанное слово.

Лютов надел перчатки и выдвинул ящик под номером шесть.

- Это она? – спросил и повернулся к Григорию, подняв глаза – тот был выше.

Высокий Григорий рядом не стоял.

Он лежал.

- Это она, - сказал себе под нос Лютов и отправился за нашатырем.